

УДК 81.362
DOI: 10.26140/bgз3-2019-0803-0061

ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЛАКУНЫ И ЛАКУНАРНОСТИ КАК СИСТЕМНОГО ЯВЛЕНИЯ

© 2019

Акай Оксана Михайловна, кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных и социальных наук Ростовского государственного экономического университета (РГЭУ РИНХ), доцент кафедры «Иностранные языки»
Донской государственной технической университет
(344022, Россия, Ростов-на-Дону, ул. Социалистическая, 162, e-mail: oksanaakay@gmail.com)

Аннотация. На сегодняшний день можно констатировать большой разброс представлений о лакунах. Это дискурсивные «пропуски»; различия, «противоречия» в смысловой сфере, выявляемые в коммуникации, «акты непонимания»; безэквивалентная лексика, реалии, «белые пятна на семантической карте»; нулевой коррелят, «темные места»; национально-специфические расхождения между языками; виртуальные единицы и т.п. Если считать, что лакуна – не плод воображения, а единица, объективно существующая в языке, то становится очевидным: невозможно мысленно вставлять в систему языка бесконечное число чуждых единиц и на этом основании находить в ней лакуны. Идеи разноуровневой лакунарности множатся в работах, связанных с переводоведением и межкультурной коммуникацией. Возможно, что лакуны существуют не в системе языка, а лишь в сознании переводчика. По нашим наблюдениям, идеи лакунарности наиболее часто разрабатываются именно в работах по теории перевода и межкультурной коммуникации. А понятие лакуны вообще чрезвычайно расширилось. Актуальное исследование лакунарности определяется тем, что годы разработок проблематики лакунарности пока мало приблизили лингвистическую теорию к ответу на важнейший вопрос о причинах существования межъязыковых и интраязыковых лакун. Закономерности межкультурного общения представляют собой явления, которые особенно нуждаются в научном обосновании, а одним из важных факторов, формирующих эти закономерности, является элиминация межъязыковых лакун. В статье осуществлена характеристика понятийного аппарата и важнейших концепций, связанных с проблематикой лакунарности, обобщение результатов, достигнутых лингвистикой в этой сфере. Используются традиционные описательно-синхронный и индуктивно-дедуктивный методы, а также метод сопоставительного анализа. На основе исследования семантико-когнитивных характеристик языковых лакун, их принципиальной неоднозначности и неоднородности видится правомерным вычленение особой области лингвистической области – лакунологии.

Ключевые слова: лакуна, лакунарность, безэквивалентная лексика, виртуальная единица, система языка, теория перевода, межкультурная коммуникация, лингвистическая относительность, культурологическая маргинальность, языковые универсалии, языковые фреквенталии.

LACUNAE AND LACUNARITY INTERPRETATION AS A SYSTEMIC PHENOMENON

© 2019

Akay Oksana Mikhailovna, candidate of philological sciences, associate professor of the Department “Humanities and Social Sciences” Rostov State Economic University (RSU RINH), associate professor of the Department “Foreign Languages”
Don State Technical University

(344022, Russia, Rostov-on-Don, Sotsialisticheskaya str., 162, e-mail: oksanaakay@gmail.com)

Abstract. It is possible to state a large scatter of ideas about lacunae. These are discursive “omissions”, differences, “contradictions” in the semantic sphere, revealed in communication, “acts of misunderstanding”; non-equivalent vocabulary, reality, “white spots on the semantic map”; zero correlate, “dark places”; national specific differences between languages; virtual units, etc. If we assume that the lacuna is not a figment of imagination, but a unit that objectively exists in a language, it becomes obvious: it is impossible to mentally insert an infinite number of alien units into the language system and to find lacunae in it on this basis. The ideas of multi-level lacunarity are multiplying in the works related to translation studies and intercultural communication. It is possible that lacunae do not exist in the language system, but only in the interpreter’s mind. According to our observations, the ideas of lacunarity are most often developed in the works on translation theory and intercultural communication. The notion of lacuna in general has greatly expanded so far. The relevance of the lacunarity study is determined by the fact that the years of the lacunarity problematics development have little brought linguistic theory closer to answering the crucial question of the reasons for the existence of interlingual and intralingual lacunae. Patterns of intercultural communication are phenomena that are particularly in need of scientific substantiation, and one of the important factors shaping these patterns is the elimination of interlanguage lacunae. The article describes the conceptual apparatus and the most important concepts related to lacunarity problems, summarizing the results achieved by linguistics in this area. The traditional descriptive-synchronous and inductive-deductive methods were used, as well as the method of comparative analysis. Based on the study of the semantic-cognitive characteristics of language lacunae, their fundamental ambiguity and heterogeneity, it seems legitimate to isolate a particular area of the linguistic area - lacunology.

Keywords: lacuna, lacunarity, non-equivalent vocabulary, virtual unit, language system, translation theory, intercultural communication, linguistic relativity, culturological marginality, language universes, language prefectures.

Введение. Термин «лакуна» был введен авторами «Сопоставительной стилистики французского и английского языков» Ж.-П. Вине и Ж. Дабельне (Vinau, Darbelnet) в 1958 году. Термин и само понятие лакуны были активно восприняты французскими и франко-канадскими лингвистами и - в гораздо более скромных масштабах - учёными некоторых европейских стран. Введенное Вине и Дабельне понятие lacune И.И. Ревзин и В.Ю. Розенцвейг применили к случаям, «когда ситуации, обычные для культуры одного народа, не наблюдаются в другой культуре» [1, с. 18]. В англоязычных же странах (кроме Канады) идеи Вине и Дабельне оста-

лись практически неизвестными. Английский перевод «Сопоставительной стилистики французского и английского языков» вышел спустя почти 40 лет после публикации оригинала, и в предисловии к этому переводу с сожалением констатируется, что французский оригинал книги постигла участь почти всех научных изданий, выходящих не на английском языке: она осталась за пределами внимания англо-американских лингвистов. В английском языке существует термин lacunology, который имеет существенно иное значение, а именно: восстановление непригодных для чтения отрывков из древних рукописей, применяя современные цифровые технологии.

Существует еще один, на наш взгляд, не совсем благозвучный термин *lacunology*, который обозначает раздел языкознания, посвященный современной сопоставительную культурологию. Термин *gap* обозначает дыру, пробел, также существует ряд терминов, таких как *gap*, *hole in a pattern*, *void*, *blank space*, *lacuna*, которые использовали такие лингвисты, как К. Хейл (K. Hale), Ч. Хоккетт (Ch. F. Hockett), М. Шаттлуорт (M. Shuttleworth).

Лакуны (и понятие и термин) долгое время были на периферии языковых штудий. Считалось, что это достаточно маргинальное явление. Так, немногочисленные лакуны в грамматической парадигме слова бывают обусловлены неблагозвучием словоформы (как в случаях сокращенной формы **amn't* от английского глагола *be*), а также ее громоздкостью (англ. **will have been being done*). В русском языке примерами лакунарности принято считать дееспричастия на -а(-я) от некоторых глаголов на -ть: писать – пиша, будить – бужа, а также некоторые нестандартные формы страдательного залога (не хамите и не хамимы будете) или переходности (*кто девушку ужинает, тот ее и танцует*) [2]. То есть лакуны воспринимались только как внутриязыковое явление и чаще всего - как немногочисленные исключения в языковой системе.

Положение изменилось, когда во второй половине XX века стали приоритетными вопросы культурной специфики отдельных языков и особенности межкультурной коммуникации. Понятие лакуны и соответствующий термин стали чрезвычайно востребованными, причем прежде всего по отношению к лексической системе. Под лакунами стали понимать пропуски в лексической системе языка, отсутствие ожидаемых слов или грамматических форм, которые по логике должны быть в языке, если иметь в виду отражательную функцию как важнейшую для любого естественного языка, а также лексическую системность. Превалярировал стал межъязыковой подход к идее лакунарности: лакунами стали считать отсутствие слова для обозначения понятий, которые в данной лингвокультуре существуют и имеют особое словесное обозначение в иных языках. Таким образом, понятие лакуны стали определять как релятивное.

В теории перевода лакуны стали обозначаться как «пробелы, незаметные изнутри» (например, человеку, владеющему только одним языком), что верно лишь отчасти, потому что эти пробелы становятся явными при креативном использовании языка в художественном тексте. Не менее очевидны они в детской речи, которая, по сути, демонстрирует словарь смысловых и словообразовательных фондов языка (лесья, людь, стрекозел и под.). Интересно, что метод анализа детского словоупотребления называется в работе [3] в числе прочих методов, позволяющих установить лакуны.

Начиная с 90-х годов XX в. термин включается (причем, весьма непоследовательно) в филологические словари, ср. в переводоведческом словаре: «Лакуны – отсутствие лексических эквивалентов в одном языке обозначениям, преимущественно национальных реалий, в другом [4, с. 97]. Такое понимание лакуны неотделимо от представлений о системности языка и его обусловленности спецификой мышления и культуры. Многократно приводившиеся примеры поразительного разнообразия синонимического ряда с доминантой «снег» в языках северных народов – в разных источниках приводятся от 7 до сорока наименований.

Показательно, что гипотеза лингвистической относительности Сепира-Уорфа за сто лет так и не превратилась в целостную теорию релятивизма (неорелятивизма). Но она и не была опровергнута. В наши дни она вновь вызывает повышенный интерес [5, с. 47-49]. Как известно, гипотеза никогда не имела общепринятой формулировки. Сильная ее версия постулировала тотальную каузацию мышления языком. Сильная версия формирует софизм, ибо сами исследователи в таком случае не способны понять другой язык. Слабая же версия

гипотезы лингвистической относительности тривиальна. Сегодня это не столько гипотеза, сколько исследовательская парадигма, продуктивный лингвофилологический и когнитивный проект, в рамках которого происходит переформулировка многих позиций с учетом реалий когнитивной науки XXI века, в частности – с учетом неомоготности понятия «язык».

Теория лингвистической относительности и ее отражение в лакунарности. В большинстве исследований, где реабилитируется проблематика гипотезы лингвистической относительности, постулируется умеренный релятивизм. Ср.: «Универсальность референциальных систем заключается не в том, что они являются биокультурной возможностью. Реальные системы усваиваются в процессе освоения языка... <...> Усвоение языка активно структурирует когницию [6, с. 214-215]. Актуальным становится понятие когнитивного стиля [7], под которым имеются в виду выработанные или унаследованные особенности восприятия, запоминания и обработки информации. Невозможно, однако, выделить язык как каузальный фактор в отношении когниции, так как он не встречается отдельно от общего культурного контекста [8]. То есть нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть классическую теорию лингвистической относительности, поскольку язык – не единственный фактор, влияющий на когнитивные феномены.

В последние годы были собраны обширные корпуса лакунарных единиц, чьи значения соответствуют определенным понятийным объектам, не имеющим аналогов в других языках. Во многих работах Ю.С. Сорокина и И.Ю. Марковиной доказывается, что лакуны фиксируют объективные расхождения в системах контактирующих языков, из-за чего существует прямая корреляция лакун с механизмами интерпретации и понимания текстов. Лакуны выступают маркерами культурологической маргинальности и проблем в межкультурной коммуникации. Лакунизированность текста или его фрагментов препятствует осмыслению рецепиентом [9].

На сегодняшний день можно констатировать большой разброс представлений о лакунах. Это «знак», знаменующий принцип «наличия отсутствия» объекта или явления; феномен отсутствия в дискурсе, дискурсивные «пропуски»; различия, «противоречия» в смысловой сфере, выявляемые в коммуникации, «акты непонимания»; безэквивалентная лексика, реалии, «белые пятна на семантической карте»; нулевой коррелят, «темные места»; национально-специфические расхождения между языками; виртуальные единицы и т.п. Соответственно сформировались такие направления в изучении лакун: во-первых, анализ их как следствия неполноты или избыточности опыта лингвокультурной общности; анализ явлений, требующих пояснения при контакте с иной культурой; анализ способа существования смыслов, традиционно функционирующих в той или иной локальной культуре; изучение пробелов и «темных мест» в коммуникации. Таким образом, в сходном понимании активно используются наименования: пробелы, белые пятна на семантической карте языка, антислова, лексические нули, фоновая лексика, темные места, безэквивалентная лексика, реалии [10, 11].

Применительно к проблеме лакун, лингвисты чаще всего призывают к переосмыслению определенных понятий и изменению их трактовки. Однако, как указывает В.М. Савицкий, такой подход может приводить к существенным противоречиям в рассуждениях, что может негативно сказаться на решении научной задачи применительно к лакунарности. Непоследовательность указанного автор видит в том, что лакунами стали называть как отсутствующие, так и имеющиеся в языке единицы. Не стоит, пишет В.М. Савицкий, ставить знак равенства между лакунарной и безэквивалентной языковой единицей, так как они не являются тождественными по определению [12, с. 15-17].

В.М. Савицкий подчеркивает, что между авторами,

пишущими о языковых лакунах, редко возникают разногласия, связанные с несостыковкой различных определений лакуны. Лингвисты подразумевают под лакуной разные вещи, но фактически приравнивают их друг к другу. Возникает вопрос: не фантомная ли это ячейка? Простое несуществование чего-либо в языке еще не лакуна, иначе лакунами по отношению к данному языку придется считать несуществование в нем всех единиц и форм всех других языков мира, что, безусловно, абсурдно.

Пафос ряда работ В.М. Савицкого [12], Шалифовой и Е.В. Савицкой [13], Е.В. Савицкой [14] состоит в том, что понятие межъязыковых лагун неправомерно в принципе. Ср.: «Изучать, например, американизм *prairie schooner* (перен. 'фургон переселенцев') как лагунарную единицу русского языка – это все равно что изучать Солт-Лейк не как озеро, которое есть в штате Юта, а как озеро, которого нет в Рязанской области» [13, с. 182].

В работах Е.В. Савицкой доказывается, что научной ценностью обладает только понятие интраязыковых лагун: лагунарность существует в межъязыковой парадигме и покрывает гораздо большую территорию по отношению к лакуне как к «нехватке, пробелу». Межъязыковое понимание лагун коррелирует с известными свойствами любого языка – универсалиями, фреквенталиями и уникалиями. Универсалии присущи всем языкам мира. Что, само по себе, понятно, ибо они обозначают формы мышления и виды деятельности человека [15, с. 33]. Фреквенталии же, хоть и являются присущими многим языкам, но не всем. Например, категория времени глагола, являющаяся обычной для многих языков индоевропейской группы, отсутствует в китайском языке. Существование фреквенталий у языков одной группы или языков близкородных не является предметом исследования теоретической лингвистики, так как причины ее очевидны. Интерес представляют фреквенталии языков разных языковых групп. Черта, объективно существующая лишь в пределах одного языка, является уникалией, однако объективно отразить и соотнести универсалии, фреквенталии и уникалии не представляется возможным по причине того, что то, что когда-то считалось универсалией, при обнаружении нового языкового материала перейдет в разряд фреквенталий и наоборот, то есть здесь ярко проявляется гносеологическая незавершенность [15, с. 34-35]. Действительно, оказывается, что в этой системе нет места понятию межъязыковая лакуна. Если считать лакуной всякое несуществование единицы или формы в языке, то исследователю придется иметь дело с «фантомными лакунами» - псевдолакунами, то есть названиями понятий, но актуальных для той или иной лингвокультуры. Е.В. Савицкая использует сравнение с шахматами (к которому традиционно прибегает лингвистика со времен Ф. де Соссюра): в комплекте шахматных фигур может не хватать пешки, а не шашки или фишки (хотя их и вправду нет); пустая клетка есть только для недостающей пешки [16].

Многие исследователи (Л.К. Байрамова, В.И. Жельвис, В.Н. Рябов и др.), признавая наличие обоих типов лагун, настаивают на непременном четком разграничении интраязыковых (интраязыковых) и межъязыковых лагун. Считается, что о межъязыковой лагунарности можно говорить применительно к двум конкретным языкам в том случае, когда обозначенное как отдельность в одном языке отсутствует в другом. Но хорошо известные примеры различий в языковой концептуализации мира (богатая синонимика, связанная, например, с понятием «снег» в языках северных народов и под.) не принято трактовать в свете идей лагунарности. Если в русском языке нет прямого аналога эвенкийскому уругатэ 'копы на медведя' [17], было бы странно утверждать, что в русском языке отмечается соответствующая лексическая лакуна. Это обусловлено отсутствием всего понятийного поля, отражающего ту или иную лексическую или грамматическую единицу. Например, в ан-

глийском семантическом пространстве не существует понятия, описывающего ритуал обезглавливания самурая после его ритуала самоубийства. Соответственно, нет и языковой единицы для выражения этого понятия. Семантическое поле для описания данного ритуала отсутствует. Но лакуна – это существование семемы при отсутствии лексемы, следовательно, в данном случае говорить о лакуне нельзя.

Интраязыковые лакуны – это «пустые» места, «несигнализируемые» участки в рамках одного языка. Лагунарность охватывает все уровни, в том числе – «верхние», то есть предложение и текст, однако наибольшее исследовательское внимание, как правило, привлекают лексико-фразеологические лакуны. Интересно, что традиционные примеры межъязыковых лагун могут быть интерпретированы иначе. Так, при анализе обозначений временных промежутков в русском и английском языках отмечались как соответствия (секунда – second, минута – minute, неделя – week, месяц – month), так и отсутствие эквивалентности (сутки – ?). Отсутствие однословного обозначения – это, как считает Е.В. Савицкая, интраязыковая лакуна, это факт лексической системы английского языка. Конечно, для переводоведения актуально, как элиминируется эта лакуна: *twenty-four hours, day and night* или просто *day* (одно из зафиксированных словарных значений у этого слова именно 'сутки', как, впрочем, и в русском: предложение я не спал три дня, скорее всего, должно быть интерпретировано как 'я не спал трое суток'). В русской лексико-грамматической системе есть своя лакуна в этой сфере: по-русски нельзя построить словосочетание 22 + сутки. Эта лагунарность обусловлена исторически, а именно – остаточным влиянием утраченного двойственного числа, и это факт именно русской языковой системы, которая несет в себе реликты грамматических форм.

Место лакуны в языковой системе. Если считать, что лакуна – не плод воображения, а единица, объективно существующая в языке, то становится очевидным: невозможно мысленно вставлять в систему языка бесконечное число чуждых единиц и на этом основании находить в ней лакуны. Е.В. Савицкая [16, с. 130] пишет, что такие «лакуны» существуют не в парадигме, а в сознании переводчика. Основная область применения исследований в области лагун лежит именно в их межъязыковой трактовке. То есть то, что для переводчиков есть «орудие переводческого труда» (таблицы межъязыковых соответствий, которые действительно могут помочь на практике), это еще не объективная реальность той или иной языковой системы.

Думаем, однако, что понятие межъязыковой лакуны обладает научной значимостью и перспективно для многих прикладных сфер, прежде всего для переводоведения, где очень важно соотнести то, что в одном языке – «отдельности», а в другом – «пустоты», несигнализируемые участки. Ср.: «Вне ситуации межъязыкового контакта явление лагунарности теряет свою релевантность. Фундаментальным для лакуны следует считать ее межкультурный статус» [18, с. 11].

Развитие теории перевода и – шире – межкультурной коммуникации закономерно опирается на идеи лагунарности. Лакуны возникают в результате проекции тех или иных элементов вербального и невербального опыта носителей «чужой» культуры на «аксиологическую ось» автохтонного образа мира, то есть лакунизация тесно связана с аксиологичностью [19, 20]. Именно лакуны, отражающие неконгруэнтность различных образов мира, затрудняют деятельность, направленную на понимание «чужого» текста, а значит, должны быть предметом особого внимания. Что касается разграничения (противопоставления) интраязыковых и межъязыковых лагун, а также отрицания одного из этих типов, то нужно иметь в виду следующее: их кардинальное свойство (релятивность) делает возможным их сближение. Как справедливо отмечается в работе: [21, с. 135-141], понятия межъ-

языковых и интраязыковых лакун не противопоставлены сущности: эти две разновидности лакун характеризуют не сущность, а способ выявления лакуны. Анализ межязыковых лакун, конечно, ориентируется на сопоставительный метод (противопоставленный сравнительному как ориентированному на диахронию), где в центре двустороннее (бинарное) сопоставление системы своего языка и данного чужого (а не противопоставление своего чужим всем, чужому вообще).

Итак, идеи, связанные с языковой лакунарностью, оказались наиболее актуальными для теории перевода и межкультурной коммуникации, что отражено в работах Л.С. Бархударова, В.М. Гака, В.И. Жельвиса, И.Ю. Марковиной, Ю.А. Сорокина, Ю.С. Степанова и мн. др. Именно в рамках этих направлений было заявлено о новой области знания – лакунологии. В то же время заслуживает внимания наблюдение Г.Д. Ермоловича о том, что в основополагающих трудах по переводоведению вообще отсутствует понятие «лакуна»: без него благополучно обходятся в своих монографических работах такие теоретики переводоведения, как В.Н. Комиссаров, Я.И. Рецкер, А.В. Федоров, А.Д. Швейцер. Высказанную Ю.С. Сорокиным мысль о том, что от лакунологии следует ожидать продуктивных импульсов для решения переводческих проблем [22, с. 6], Г.Д. Ермолович считает несостоятельной – никаких полезных импульсов переводоведы от лакунологии не восприняли, лакунология имеет не столько лингвистический, сколько культурологический статус [23]. Но даже при таком скептическом взгляде на познавательные возможности теории лакун само их существование как межъязыкового феномена Г.Д. Ермоловичем вовсе не отрицается. Заметим, что современная теория перевода активно черпает идеи из культурологии, и отмеченный культурологический статус лакунологии как раз свидетельствует о несомненной ее пользе и для теории перевода: перевод давно уже не просто роботизированный трансферринг лексических и грамматических единиц и явлений из одного языка в другой, теперь он рассматривается в национально-культурном и прагматическом контекстах.

Идеи разноуровневой лакунарности вдохновили авторов теперь уже трудно обозримого числа исследований по переводоведению и межкультурной коммуникации. Из наиболее значимых работ последних лет отметим: Булгакова [24], Быкова [25], Ван Юе [26], Власенко [27], Габдреева [28], Кшеневская [29], Хань Чжипин [30]. В свете сказанного трудно согласиться с утверждением Г.Д. Ермоловича о том, что после 70-х годов XX века явление лингвистических лакун перестало интересовать теоретиков перевода, а интересует только культурологов.

Но в том-то и дело, что «главенствующее место в современном языкознании заняла лингвокультурология», а главной целью лингвокультурологии является соотнесение культурных компетенций разных типов лингвокультурных сообществ посредством применения лингвокультурных коннотаций, которые могут иметь разную знаковую систему для их выражения. Ср. также: «ситуацию межъязыкового контакта следует рассматривать не только с узких структурных позиций, но и с учетом открывающейся за структурным контактом исторической реальности культурного взаимодействия языков» [31, с. 79-80]. По нашим наблюдениям, идеи лакунарности наиболее часто разрабатываются именно в работах по теории перевода и межкультурной коммуникации, причем понятие лакуны чрезвычайно расширилось. Помимо уровней (фонетических, лексико-фразеологических, словообразовательных, морфологических и синтаксических) лакун предлагается немало иных типов. Ср. характерное утверждение: «Лакунарными могут быть не только лексические единицы, но и любые компоненты лексического значения, а, если рассматривать шире, то и экстралингвистическая информация, сопровождающая данное явление в сознании носителя одного языка

и редуцирующаяся при рецепции в любой язык» [18]. То есть, поскольку лексическая семантика многослойна, лакунарным может оказаться только один из компонентов, например – коннотативный (прагматический). Хорошо описаны, например, прагматические различия анимализмов в разных языках [32], которые служат источником ассоциативной лакунизации. Для перевода подобные лакуны могут создавать значительные проблемы. Ср. ситуацию, возникшую во время визита в Россию британского премьер-министра Тони Блэра. Рассказывая ему о борьбе с террористами, В.В. Путин, в частности, сказал: «Представьте себе логово бандитов. Над входом в логово висит надпись: “Аллах – над нами, козлы – под нами”. Козлы – это все мы». Дословная передача переводчиком содержания надписи (...the goats are under us) не была понята адресатом по причине отсутствия у слова *goat* того же прагматического (ассоциативного) сознания, что и у русского «козёл» [23].

О сходных вещах писал еще К.И. Чуковский в «Высоком искусстве, разбирая переводы Мэриан Фелл: «...у Чехова персонаж говорит: Сижу и каждую минуту околеванца жду! - у переводчицы этот человек канителит: Я должен сидеть здесь, готовый каждую минуту к тому, что смерть постучится в мою дверь»; Чуковский считал, что такая «гладкопись» перевода хуже фактических ошибок. По сути же речь идет о том, что не найден прагматический эквивалент, не элиминирована ассоциативная (причем ассоциации здесь сложные, неоднозначные: *околеть* – грубое, бранное, а *околеванца жду* – и не грубое, и не бранное) лакуна.

С конца XX в. в западном переводоведении стало актуально понятие «культурологической непереводаемости» (*cultural untranslatability*), наметилось культурологическое направление в науке о переводе. С. Басснетт (S. Bassnett) видит перевод как особые отношения между различными языками и культурами, процесс общения и переговоров. При такой трактовке перевода уместным становится введенный ею термин «культурный поворот» [33, с. 6].

Совершенно очевидно, что широкий и семантически «размытый» термин «лакуна» приобретает различное содержание в зависимости от объекта приложения. Так, в применении к тексту (в широком понимании, включающем театральные спектакли или кинофильм) это пропуск, сигнализирующий об особых интенциях автора. Такое понимание отражено, например, в интересной статье М. Я. Дымарского (2009), где речь идет в том числе о последней экранизации тургеневского романа «Отцы и дети» (реж. А. Смирнова). Начитанный зритель не мог не обратить внимания на отсутствие хрестоматийно известных фраз Базарова в спорах с Павлом Петровичем или в сцене предсмертного свидания с Анной Сергеевной. У подготовленного зрителя два варианта интерпретации таких лакун: 1) создатели упустили из виду достаточное количество принципиально важных высказываний главного героя, следовательно – фильм плох; 2) создатели картины намеренно прибегли к редуцированию исходного текста с тем, чтобы сообщить нечто такое, что по их мнению должно быть понято зрителем, например, тема «нового человека» (разночинца), противостоящего «отцам», их не интересует; главная проблема (в полном соответствии с названием) заключается во взаимоотношениях двух поколений [34, с. 191]. Вообще, как только сюжетная линия готова, создан событийный ряд из инцидентов, которые располагаются в некоторой последовательности, создаются и разрывы континуальности, которые вполне могут быть интерпретированы как лакуны [34, с. 192]. Таким образом, текстовая лакуна у М.Я. Дымарского предстает одно из средств интерпретации художественного произведения. За естественной лакуной скрыто то, чем можно пренебречь, намеренная же лакуна – это сюжетное событие с нулевым экспонентом (ср. намеренную лакунарность детективного сюжета).

Совсем иное содержание приобретает термин «лакуна»

на» применительно к тезаурусу языковой личности. Так, в работе [35, с. 102-112] обсуждаются такие лакуны (в ее терминологии – гиперлакуны) в лексиконе языковой личности современного молодого человека, как религиозные и библеизмы. Поскольку лакунарность охватывает все уровни, в том числе – «верхние», то есть предложение и текст, вполне продуктивно обсуждение такой проблемы, как межъязыковая лакунарность речевых жанров. Ср. наблюдение об отсутствии в японской традиции такого жанра, как оправдание (его заменяет извинение). Нередко говорится об «этикетных лакунах» в русском языке последнего времени, прежде всего - об отсутствии общепринятого обращения («гордое» советское слово *товарищ* как обращение осталось в армии и на митингах КПРФ, а обращение *господин* еще на начальной степени вхождения в общее употребление). Естественно, что чрезвычайно значимыми в языке остаются случаи нетерминологического использования лексемы лакуна: Ср.: Мысль Г.Г. Хазагерова о том, что в России существовала огромная лакуна – отсутствие судебного красноречия до появления системы присяжного судопроизводства. Однако на время отсутствия художественная литература и литературная критика взяли на себя функцию восполнения данного пробела [36, с. 100].

Заключение. Итак, проблемы лакунарности относятся к сфере макролингвистики. Их обсуждение позволяет уточнить особенности стратегий кодирования внеязыковой информации, вскрыть причины, предопределяющие как заполнение, так и незаполнение ячеек языковой системы, способствует решению таких актуальных проблем герменевтики и теории языкознания, как проблема понимания в процессе межкультурной коммуникации. Принципиальная неоднозначность и неоднородность понятий лакуны и лакунарности, а также их объяснительные возможности в разных сферах филологии делают логичным и обоснованным выделение особой области лингвистического и лингвокультурологического знания – лакунологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Ревзин И.И., Розенцвейг В.Ю. Основы общего и машинного перевода: учеб. пособие для институтов и факультетов иностр. языков. - М.: Высш. школа, 1964.
2. Эшштейн М.Н. От знания – к творчеству. Как гуманитарные науки могут изменять мир. - М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016.
3. Быкова Г. В. Лакунарность как категория лексической системологии. Благовещенск: БГПУ, 2003.
4. Нелобин Л.Л. Толковый переводоведческий словарь. 3-е изд-е, перераб. - М.: Флинта: Наука, 2003.
5. Бородай С.Ю. Современное понимание проблемы лингвистической относительности: работы по пространственной концептуализации // Вопросы языкознания, 2013, № 4. - С. 17-49.
6. Levinson S.C. Space in language and cognition. - Cambridge, 2003.
7. Dasen P., Mishra R. Development of geocentric spatial language and cognition. - Cambridge, 2010.
8. Dasen P., Mishra R., Niraula S. Ecology, language and performance on spatial cognitive tasks // International journal of psychology. 2003. V. 38.
9. Марковина И.Ю., Сорокин Ю.А. Культура и текст. Введение в лакунологию: учебное пособие. - М.: ГЭОТАР-Медиа, 2010.
10. Быкова Г. В. Лакунарность как категория лексической системологии. Благовещенск: БГПУ, 2003.
11. Дашидоржиева Б.В. Лакуна как феномен межкультурной коммуникации. Дис. ... канд. социол. наук. Чита, 2010.
12. Савицкий В.М. Онтология языковых лакун // Электронный журнал «Вестник МГОУ» / www.vestnik-mgo.ru/ 2013, № 2. - С. 1-18.
13. Шалифова О.Н., Савицкая Е.В. К вопросу о сущности языковых лакун // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 17. 2015, № 1. - С. 178-183.
14. Савицкая Е.В. Толкование языковых лакун в лингвистической литературе // Самарский научный вестник, 2013, № 2. - С. 48-50.
15. Тираспольский Г.И. Язык и лингвистика: монография. - Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2015.
16. Савицкая Е.В. Внутряязыковая трактовка лакун // Вестник Самарского гос. университета, 2014, № 9 (120). - С. 128-136.
17. Брусенская Л.А. Гендер как социокультурный конструкт: условия коммуникации // Философия права, 2010. №4. С. 82-86.
18. Ибрашимова К.Г. Межъязыковые лакуны в юридическом дискурсе и лингвокультурные аспекты их элиминирования (на материале англо-русского перевода). Дис. ... канд. филол. наук. - М., 2017.
19. Grodzki E. Using Lacuna Theory to Detect Cultural Differences in American and German Automotive Advertising. Frankfurt (Main): Peter

Lang, 2003. p. 13

20. Jolowicz, Jens Olaf. Lacuna theory in intercultural communication: Focus on axiological lacunae/ Вопросы психоллингвистики, №3, 2006. С. 58-77.

21. Дунь Н.Л. Интралингвальные лакуны в лексической системе русского языка // Вісник СумДУ. Серія Філологія. 2017, № 1. Т. 1. - С. 135-141.

22. Сорокин Ю.А. Лакуны: еще один ракурс рассмотрения // Лакуны в языке и речи: Сб. науч. тр. - Благовещенск, 2003. - С. 3-8.

23. Ермолович Г.Д. Наш паровоз, вперед лети! В лакуне остановка. Электронный ресурс. URL: www.yermolovich.ru/lakunainaabridgel.pdf (дата обращения: 12.01.2019).

24. Булгакова С. Ю. Принципы и приемы компенсации текстовых лакун (на материале французских переводов произведений И. А. Бунина) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. - 2013. - № 9 (27), Ч. I. - С. 37-40.

25. Быкова Г.В., Глазачева Н.Л., Лу Чуньюэ Межъязыковая коммуникация: Россия – Китай (словарь лакун). - Благовещенск: БГПУ, 2012.

26. Ван Юе Применение теории лакуны в межкультурной коммуникации // Интерактивная наука, 2017, № 5 (15). - С. 88-90.

27. Власенко С.В. Текст как плотно лакунизированное пространство // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета, 2016, № 4. - С. 154-166.

28. Габдреева Н.В., Маршова Т.В. Лакуны и перевод // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева, 2016. - С. 26-36.

29. Кишеновская У.Л., Стародубцева А.В. Языковые лакуны в публицистическом тексте и способы их элиминирования в процессе перевода // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета, 2016, № 4 (32). - С. 154-164.

30. Хань Чжунтин Национальная специфика ассоциативной лакунарности в межкультурном взаимодействии. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Благовещенск, 2016.

31. Куликова Э.Г., Беляева И.В. Толерантная языковая и командная правовая норма: манипулирование как нарушение этической нормы // Философия права, 2009. №4. С. 77-81.

32. Малащенко М.В. Имя в парадигмах лингвопрагматики. - Ростов н/Д.: Ростовский государственный университет, 2003.

33. Bassnett S. Translation Studies. - N. Y.: Routledge, 2006.

34. Дымарский М.Я. Возможна ли онтологическая интерпретация понятия лакуны? // Лакунарность в языке, картине мира, словаре и тексте. Межвузовский сб. научн. тр. - Новосибирск: изд-во НГПУ, 2009. - С. 189-195.

35. Сергеева Е.В. Гиперлакуны в лексиконе современной языковой личности: религиозные и библеизмы // 14. Лакунарность в языке, картине мира, словаре и тексте. Межвуз. сб. научн. тр. - Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2009. - С. 102-112.

36. Хазагерова Г.Г. Телеологический смысл и социальная роль классификации риторических фигур // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2016. Т. 20. № 3. - С. 89-102.

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 19-012-0016

Статья поступила в редакцию 22.04.2019

Статья принята к публикации 27.08.2019